

УДК 821

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-105-113

МОТИВ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «РОССИЯ И ЕВРОПА»

Шенол А. О.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуется мотив домостроительства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в контексте проблемы «Россия и Европа». При написании статьи рассматривались мнения исследователей относительно роли домостроительства и влияния Европы на процесс общественного развития. Актуальность статьи заключается в том, что темы «дом», «семья», «брак» рассматриваются не только как писательский инструмент отражения внутреннего мира героев, но и расшифровка историко-философских идей, заложенных в их образах.

Ключевые слова: Толстой, роман, Анна Каренина, мотив домостроительства, мысль семейная, Россия и Европа.

THE MOTIVE OF DISPENSATION IN THE NOVEL “ANNA KARENINA” BY L. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM “RUSSIA AND EUROPE”

Shenol Ali Osman

*Moscow Region State University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the motive of dispensation in the novel “Anna Karenina” by L. Tolstoy in the context of the problem “Russia and Europe”. In writing the present paper the views of the researchers on the role of dispensation and the influence of Europe on the process of social development were considered. The relevance of the paper is that the themes of “home”, “family” and “marriage” serve not only as the writer’s instrument of reflecting the inner world of the characters but also as decoding of the historical and philosophical ideas embodied in their images.

Keywords: Tolstoy, novel, Anna Karenina, the motive of dispensation, the idea of family, Russia and Europe.

Тема семьи, дома, брака, «мысль семейная» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» была обозначена самим писателем как центральная в его произведении. Исследователи романа, начиная с В.Б. Шкловского [12], Б.М. Эйхенбаума [13], Э. Бабаева [2] и др., также выделяли её как принципиально важную – обращение к ней рассматривалось и как свидетельство творческой эволюции писателя, и как отражение общественных тенденций эпохи, которые рассматривались исследо-

вателями сквозь призму семейных судеб, изображённых в романе. Новаторское осмысление тем семьи и дома в романе «Анна Каренина» предстаёт и в работах современных исследователей – Р.Ф. Густафсона [5], Б. Леннквиста [8], А.В. Зиновьева [7], К.А. Нагиной и др. Так, А.В. Зиновьев рассматривает взаимодействие концептов «дом» и «семья» в толстовских романах «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресенье» в аспекте раскрытия характеров героев и авторского отношения к ним; К.А. Нагина анализирует мотив разрушения дома в связи с личностью и судьбой главной героини романа – Анны Карениной – в аспекте мифологических и культурно-исторических подтекстов романа [3].

Предметом данной работы избран мотив домостроительства в толстовском романе в аспекте более общей социально-философской проблемы «Россия и Европа». Новизна предлагаемой концепции видится в том, что темы «дом», «семья», «брак» для писателя служили не только раскрытию внутреннего мира героев, но именно раскрытию его историософских идей, вне понимания которых бывает сложно понять и духовно-нравственные искания персонажей романа. И это не случайно. Дом и семья всегда были и будут «онтологическим» центром любых общественных и личных потрясений и катаклизмов: войн, революций, измен, ссор, вражды так же, как и мира, любви, блага, радости и т. п. [1].

Анализ образа дома в романе «Анна Каренина» по традиции ведётся с учётом противопоставления двух различных сюжетных ситуаций – и соответственно, воплощающих эти ситуации концептов: «дом создаваемый» / «дом

разрушаемый» («разрушающийся»), что, естественно, обращает исследовательскую мысль к сопоставлению образов Анны Карениной, с одной стороны, и Константина Левина, с другой. Однако не меньший интерес в романе представляет возможное сопоставление строящихся, создаваемых домов – как по-разному осуществляется это созидание и в чём причина того, что в одном случае оно увенчивается успехом, в другом же – терпит крах. Анализ этой проблемы выводит к сопоставлению образов Лёвина и Вронского, которые в совокупности представляют читателю сложную и многостороннюю концепцию домостроительства в творчестве Л.Н. Толстого.

Само понятие «домостроительство» в русском языке восходит к слову «Домострой» – названию литературного памятника Древней Руси. В XIX веке в массовом сознании он нередко воспринимался как воплощение угнетения, принужденности, жёсткой формализации быта. Отразилось это восприятие Домостроя и в творчестве писателей – А.Н. Островского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и др. Суждения о Домострое есть и у Л.Н. Толстого – однако, видя в его содержании элементы подавления личности, писатель в то же время понимал, что «домостроевское» начало обладало и потенциалом удержания – личности, семьи, дома, а в конечном итоге и государства – от распада, к которому их неминуемо вела личная воля человека, утратившего абсолютные основания нравственности и не знающего, как и на чём основывать свою жизнь. Это «блуждание во мраке» заставляет страдать и героев «Анны Карениной», оно делает обречёнными на неудачу их

попытки домостроительства [4, с. 163]. Только возвращение к истинным началам домостроительства, в том числе началам религиозным и национальным, даёт усилиям героев осуществиться и привести к желаемому результату

К.А. Нагина абсолютно справедливо отмечает, что в толстовском мире возможность построить подлинный дом означает прежде всего отказ от развращённости и испорченности городской жизни («Нового Вавилона») [3, с. 38]. В данном контексте Толстой явно вписывался в линию литературной традиции, берущей начало ещё в античности и развивающейся в русской литературе начиная с XVIII столетия вплоть до «деревенской прозы» века XX-го. В рамках этой традиции отказ от города даёт человеку возможность достичь подлинной внутренней и внешней гармонии, ибо город – это мир, враждебный человеку, он «связывает» его и заставляет жить вне естественного, природного начала:

Блажен, кто менее зависит от людей,

Свободен от долгов и от хлопот приказных,

Не ищет при дворе ни злата, ни чести

И чужд сует разнообразных.

Возможно ли сравнить что с вольностью златой,

С уединением и тишиной на Званке... [6, с. 326]

Однако концепция Толстого в «Анна Карениной» оказывается не столь однозначной. Поэтика Толстого, возможно, вообще основана на своеобразном «отрицании» устойчивых идейно-философских моделей, сложившихся в рамках литературной традиции, он всегда стремится рассматривать лю-

бую тему, как бы «отталкиваясь» от её привычных разработок. Не составляет исключения и данная ситуация. Мысль о том, что деревня есть своего рода «противоядие испорченности», в романе «Анна Каренина» высказывается прямо, однако её выразителем становится брат Лёвина Кознышев – к тому же в контексте, явно не позволяющем читателю «присоединиться» к ней: Лёвин тяготился обществом брата в деревне, поскольку тот лишь «отдыхает» здесь (в том числе от городской «испорченности»), сам же он смотрит на неё иначе – как «место жизни, то есть радости, страданий, труда». Таким образом, традиционной схеме восприятия дома в контексте однозначно понимаемой оппозиции «стеснение» / «свобода» противопоставляется представление его во всей сложности и неоднозначности. Дом – это не только радости и свобода, в нём есть место и страданиям, его созидание предполагает неустанный труд. Те герои романа, которые понимают это, оказываются способны выстроить свой дом так, чтобы в нём действительно можно было жить; домостроительство, таким образом, становится залогом жизненной состоятельности толстовских героев [9, с. 95].

Возможность построить дом для героев «Анны Карениной» даёт не только возвращение из чуждого естественности мира города, но и из не менее чуждого инонационального пространства: возвращается из-за границы и выходит замуж за Лёвина Кити, возвращаются в Россию из путешествия и поселяются в Воздвиженском Анна и Вронский. К.А. Нагина справедливо замечает, что в этот момент жизненные установки Вронского начинают

совпадать с жизненными установками Лёвина: они оба стремятся выстроить свой дом, создать настоящую семью, вести хозяйство. По своим целевым установкам это «домостроительство» в полном смысле этого слова.

Однако его осуществлению препятствуют многие обстоятельства. Для Вронского и Анны это прежде всего их собственная неготовность к семейной жизни, привычка следовать жизненным установкам своего аристократического круга, в котором добродетели домостроительства не считались чем-то обязательным.

В романе «Анна Каренина» читатель является непосредственным свидетелем различных взглядов на семью. Следует отметить, что не только главные герои романа – Анна и Каренин – выражают свои точки зрения, но и Облонские, Кити и Лёвин, а также другие герои, которые относятся к персонажам эпизодическим. Например, Яшвин и Катавасов, которые придерживаются определённого мнения относительно брака. Оба героя видят в семье помеху на пути достижения чего-либо важного: одному брак мешает любимой игре в карты, другому семейная жизнь мешает заниматься наукой. Молодой преуспевающий генерал Серпуховский видит в браке лишь «единственное средство с удобствами без помехи любить и заниматься своим делом» [10, с. 329]. Все герои, так или иначе представляющие светское общество – Облонский, Яшвин, Катавасов, Серпуховской, Вронский, Петрицкий, – не считают семью одной из самых важных составляющих человеческой жизни. Интересен сам факт того, что отношение к семейной жизни этих героев обосновано не теоретически, а

практически. Соответственно, руководствуясь данными принципами, их убеждения настоящие, хотя, с точки зрения автора, являются ошибочными. Они создают духовную атмосферу, указывающую на глубокое неблагополучие современного общества, ярче и трагичнее всего выразившееся в судьбах Анны, Каренина и Вронского.

Брак Анны и Каренина – это совершенно очевидно – можно сказать, был случайным. Это был один из тех браков, которые, как правило, не бывают прочными; такие союзы не делают людей счастливыми, так как в их основе не лежит настоящая взаимная любовь; эти браки совершаются без живого участия сердца. Позднее Анна сама станет невольным свидетелем обсуждения такого рода союзов в салоне Бетси Тверской. Жена посланника высказала распространённый в светском обществе взгляд: для счастливого брака не нужны чувства, страсти, не нужна любовь. «Я знаю счастливые браки только по рассудку», – сказала жена посланника» [10, с. 145]. Вронский же, который участвовал в данном споре, не разделяет этой точки зрения. По мнению героя, браки по рассудку зачастую ведут в тупик, разбиваются в пух и в прах, потому что со временем вспыхивает страсть, которую человек не хотел признавать. Именно это и произошло в семье Карениных. Каренин прилагал все усилия, чтобы сохранить семью. Анна же с мучительной для неё силой пытается наконец создать «новое счастье». Тем не менее, следует принимать во внимание сам факт того, что между супругами не только Вронский, но и их сын Серёжа, который теперь не понимает, как ему относиться к отцу и Вронскому [2, с. 90].

Несмотря на то что Анна и Каренин прожили вместе восемь лет, писатель не описывает подробностей начала их семейной жизни. Когда Анна переехала в столицу, она свободно и легко вошла в высшее аристократическое общество. Очевидно, что Анна в замужестве предавалась обычным светским развлечениям и удовольствиям, для которых у неё было много свободного времени. Тем не менее, она не была похожа на барышень и дам петербургского света, она отличалась скромностью и безусловной супружеской верностью. Хотя и было заметно что-то «фальшивое во всем складе их семейного быта», однако внешне жизнь Анны с Карениным выглядела вполне благополучной, однообразно-спокойной, что называется, без бурь и потрясений. Но это была всего лишь оболочка, под покровом которой и скрывалась настоящая буря. У Анны появился сын Серёжа, она серьёзно занялась его воспитанием; она его очень любила. В семейных отношениях Анна была примерной женой и с ответственностью относилась к своим обязанностям, она не давала Каренину повода для ревности, поэтому он всецело мог доверять ей. В той части романа, где речь идет об Анне до её измены мужу, нет даже упоминания о столкновениях между ними, о ссорах, взаимных упрёках и оскорблениях, а тем более – о ненависти друг к другу. До поры до времени Анна решительно ничем и никак не показывала какое-либо недовольство своей семейной жизнью с Карениным, своей судьбой и положением в светском обществе. Героиня осознала своё несчастье уже после измены Каренину. Вся её накопленная ненависть к мужу вырвалась на волю после

вспыхнувшей страсти к Вронскому. Действительно, сколько преград на пути влюблённых, страдающих из-за разбитых надежд. В «Анне Карениной» трагическая ситуация складывается после и в результате осуществления желаний героев. Центр тяжести перенесён с ухаживания, соперничества, ожидания любви на изображение жизни любовников. Толстой описывает сложные человеческие отношения и чувства, ситуации, когда человек стоит перед выбором. Анна может разорвать свои отношения с Карениным, но она не может оставить своего сына Серёжу. *«Она может выбрать Вронского, но детей «не выбирают»... Вот в чём её трагедия. И эту трагедию никакой великосветскостью не объяснишь и не исправишь»* [2, с. 90].

Исследователи справедливо отмечают, что эти качества толстовских героев, их «бездомность» и «бессемейность», связаны в идейной структуре романа в том числе с проблемой заимствования европейских форм жизни, а с ними – и западных ценностей, в первую очередь индивидуализма. К.А. Нагина подробно прослеживает, как соотносятся в романе различные обозначения хозяйственной и домохозяйственной деятельности Лёвина и Вронского. Один из них – помещик, в то время как второй – землевладелец, который «во главу угла ставит не сохранение традиции, предание, а прогресс и, соответственно, собственную выгоду» [5, с. 116-131]. Вслед за Б. Леннквистом исследовательница видит в этом не только психологические причины (индивидуализм, присущий Вронскому как личности), но и культурно-исторические. Вронский ведёт в романе свои попытки постро-

ить дом с оглядкой на западноевропейские, в первую очередь английские модели. Их с Анной жизнь в Воздвиженском – «жизнь по-английски», она лишь кажется цивилизованной, удобной, роскошной, «гигиеничной»; на самом деле платой за этот комфорт цивилизации становится всё большее вторжение в жизнь героев рационального начала – что, в конечном итоге, становится причиной и охлаждения любовного чувства, и их жизненного краха [8, с. 69].

Иное следствие получают в романе домостроительные принципы Лёвина. Рассматривая отношения между Лёвиным и Кити, стоит обратить внимание на то, что женитьба была главным делом его жизни, от которого зависело всё её счастье. Дом в понимании Лёвина сохраняет своё исконное духовное значение. Дом представляет собой символ семейного счастья, любви и доверия. Согласно мнению А.В. Зиновьева, «дом – не просто жильё, но это и память о матери, отце, детстве, и даже не просто память, а как бы присутствие дорогих людей и дорогого прошлого в настоящем» [7, с. 51]. Для Лёвина дом является святым, это память о былом, о тех, кто в нём жил. Дом для этого героя служит щитом, «дом живёт, и в нём, в его духе жива мать и отец героя» [7, с. 51]. Основанные на национальных началах, они оказываются успешными именно потому, что представляют собой соединение самого главного для Толстого: самой материи жизни, её исконной, почти физической сущности и высшего духовного смысла. Знаком этого синтеза в романе становится контрапунктное соединение «голосов» Лёвина и Кити на последней странице романа: жена

прерывает размышления мужа об обрётённом Боге и смысле жизни подчёркнуто бытовым вопросом «*Поди в угловую и посмотри, как Сергею Ивановичу всё устроили <...> Поставили ли новый умывальник?*» [11, с. 399]. И это вдруг раскрывает Лёвину действительный смысл понятия «семья» и «дом». Толстой показывает, что это обретение смысла вовсе не обязательно конечная точка развития героя «*Так же буду сердиться ... так же буду спорить ... так же будет стена между святая святых моей души и другими... <...> но жизнь моя теперь, вся моя жизнь ... не только не бессмысленная, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который и властен вложить в неё!*» [11, с. 399] Путь его исканий и есть сама жизнь, национальная правда которой для писателя и заключена в возможности как ошибок, так и прозрений и обретений.

Таким образом, можно отметить, что «мысль семейная» – это не только тема всего произведения Толстого, но и назидание. Писатель показал нам, какой должна быть настоящая семья, на чём она должна основываться и что должна быть неразрывно связана с домом. Он доказал, что понятие «удачный брак» неравнозначно понятию «счастливый брак» на примере трагедии Анны Карениной. Читатель становится невольным свидетелем того, какой должна быть жена – любящей матерью, верной женой, хранительницей семейного очага – как Дарья Александровна Облонская. И, наконец, поняли, что счастливая семья – это не только хорошая мать и жена, это ещё и муж, который относится к своей семье ответственно и осознает, что он её опора; что в семейных отношениях

важна не только любовь, а и взаимопонимание, взаимоуважение и умение находить компромиссы. Пример такого брака – брак Кити и Константина Лёвина.

Толстой писал роман, основываясь на своём жизненном опыте, подмечая и анализируя отношения окружающих его людей, и от того его творение так реально и так близко каждому, кто его читает. Несмотря на то что с момента написания романа прошло более ста тридцати лет, проблемы, поднимаемые в нём, нисколько не потеряли своей актуальности. Всё так же человек ищет счастья и, к сожалению, не всегда его находит. Всё так же есть несчастливые браки, мужья изменяют жёнам, жёны – мужьям... Но что особенно важно, писатель дал нам подсказки, как же всё-таки можно достичь этого самого важного для человека счастья – семейного. Толстой доказал нам, что любовь,

уважение, понимание есть такие ценности, которые никогда не потеряют своей значимости [9]. И пусть, на первый взгляд, эпоха «Анны Карениной» давно ушла в прошлое, общественные, социальные государственные формы человеческого существования изменились, однако Толстой будто высвобождает «современного ему человека из оболочек временных, исторических форм его общественного бытия и указывал на сложность и противоречивость его внутренней жизни» [2, с. 89] тем не менее, изображая исторического человека, осознавая, что все условные формы его существования в процессе общественного развития теряют свою силу, Толстой думал о человеке, который был и будет всегда. Именно из этих побуждений его роман «Анна Каренина», созданный в соответствии с законами строгого критического реализма, не утратит своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артёмов В.М. Свобода и нравственность в педагогике Л.Н. Толстого. // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 3. 133 с.
2. Бабаев Э. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. М.: Художественная литература, 1978. 158 с.
3. Нагина К.А. Распадающийся дом: судьба Анны Карениной // Вестник Удмуртского университета. История и Филология. 2013. Вып. 4. 180 с.
4. Гродецкая А.Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб.: Наука, 2000. 134 с.
5. Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Л.Н. Толстого. СПб.: Академический проект, 2006. 480 с.
6. Державин Г.Р. Стихотворения / вступ. статья, подгот. текста и общ. ред. Д.Д. Благого, примеч. В.А. Западова. Л.: Советский писатель, 1957. 470 с.
7. Зиновьев А.В. Образ дома и «мысль семейная» в поэтике Л.Н. Толстого // Известия Саратовского университета. Серия: Филология, Журналистика. 2012. Вып. 3. 122 с.
8. Леннквист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. М.: Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
9. Свительский В.А. Личность в мире ценностей (Аксиология русской психологической прозы 1860-1870-х годов). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 232 с.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18: Анна Каренина. М: Художественная литература, 1934. 571 с.

11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18: Анна Каренина. М: Художественная литература, 1935. 528 с.
12. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков. М.: «Советский писатель», 1955. 377 с.
13. Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960. 296 с.

REFERENCES

1. Artemov V.M. Svoboda i npravstvennost' v pedagogike L.N. Tolstogo [Freedom and ethics in teaching of L. Tolstoy] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2001. no. 3. 133 p.
2. Babaev E. «Anna Karenina» L.N. Tolstogo [«Anna Karenina» by L. Tolstoy]. М., Khudozhestvennaya literatura, 1978. 158 p.
3. Nagina K.A. Raspadayushchiysya dom: sud'ba Anny Kareninoi [The breaking house: the fate of Anna Karenina] // Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Istoriya i Filologiya [Bulletin of Udmurt University. History and Philology]. 2013. no. 4.
4. Grodetskaya A.G. Otvetny predaniya: zhitiya svyatykh v dukhovnom poiske L'va Tolstogo [Answers of tradition: lives of saints in the spiritual quest of Leo Tolstoy]. SPb., Nauka, 2000. 134 p.
5. Gustafson R.F. Obitalatel' i CHuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L.N. Tolstogo [Inhabitant and Stranger. Theology and the artistic works of L. Tolstoy]. SPb., Akademicheskii proekt, 2006. 480 p.
6. Derzhavin G.R. Stikhotvoreniya [Poems]. L., Sovetskii pisatel', 1957. 470 p.
7. Zinov'ev A.V. Obraz doma i «mysl' semeinaya» v poetike L.N. Tolstogo [Image of home and «family thought» in the poetics of L. Tolstoy] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya, Zhurnalistika [News of Saratov University. Series: Philology, Journalism]. 2012. no. 3. 122 p.
8. Lennkvist B. Puteshestvie vglub' romana. Lev Tolstoi: Anna Karenina [Travel deep into the novel. Leo Tolstoy: Anna Karenina]. М., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. 128 p.
9. Svitel'skii V.A. Lichnost' v mire tsennosti (Aksiologiya russkoi psikhologicheskoi prozy 1860-1870-kh godov) [Identity in the world of values (Axiology of the Russian psychological prose in 1860-1870s)]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2005. 232 p.
10. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 18: Anna Karenina [Complete works: in 90 vols. Vol. 18: Anna Karenina]. М., Khudozhestvennaya literatura, 1934. 571 p.
11. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 18: Anna Karenina [Complete works: in 90 vols. Vol. 18: Anna Karenina]. М., Khudozhestvennaya literatura, 1935. 528 p.
12. Shklovskii V. B. Zametki o proze russkikh klassikov [Notes on the prose of Russian classics]. М., «Sovetskii pisatel'», 1955. 377 p.
13. Eikhbaum B. Lev Tolstoi. Semidesyatye gody [Leo Tolstoy. The seventies]. L., 1960. 296 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шенол Али Осман – аспирант кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: aosman2811@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ali Osman Shenol – postgraduate student at department of Classical Russian literature of Moscow Region State University;
e-mail: aosman2811@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА:

Шенюл А.О. Мотив домостроительства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в контексте проблемы «Россия и Европа» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 105-113. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-105-113

CORRECT REFERENCE

A. Shenol. The motive of dispensation in the novel “Anna Karenina” by L. Tolstoy in the context of the problem “Russia and Europe” // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017. no. 1. pp. 105-113. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-105-113